

Ярослав Зарин

УВИДЕТЬ СВЕТ

Ярослав Зарин

Увидеть свет

«Издательские решения»

Зарин Я.

Увидеть свет / Я. Зарин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932862-5

Доминик Вейл — известный художник, ведущий уединённый образ жизни. Дни и недели у него расписаны по минутам, и он никогда бы не отказался от собственных ритуалов, если бы... в городе не появился убийца, чьи преступления заставляют Доминика снова и снова задаваться вопросами — что есть красота, не должно ли творцу выискивать новые, даже кажущиеся жуткими способы запечатлеть и раскрыть её зрителям? Может ли чужая жизнь стать холстом для художника?

ISBN 978-5-44-932862-5

© Зарин Я.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
3	19
4	24
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Увидеть свет

Ярослав Зарин

© Ярослав Зарин, 2018

ISBN 978-5-4493-2862-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Почему вид обнажённых человеческих внутренностей считается таким ужасным? Почему, увидев изнанку нашего тела, мы в ужасе закрываем глаза? Чем это так отвратительно внутреннее наше устройство?

Разве не одной оно природы с глянцевой юной кожей?

Что же бесчеловечного в уподоблении нашего тела розе, которая одинаково прекрасна как снаружи, так и изнутри? Представьте, если бы люди могли вывернуть свои души

и тела наизнанку – грациозно, словно переворачивая лепесток розы, – и подставить их сиянию солнца и дыханию майского ветерка...

«Золотой храм» Мисима Юкио

Телевизор для него всегда был попыткой наладить хоть какие-то отношения с внешним миром. Быть в курсе того, о чём говорят знакомые. Но день за днём Доминик эту попытку проваливал, хоть и исправно включал новостной канал во время раннего завтрака. Всего лишь устоявшаяся привычка надавливать на нужную кнопку на пульте, да и только.

Его жизнь вообще состояла из маленьких ритуалов. Например, подъём в семь утра – неизменно, с самого детства, или прогулка в два часа дня, или обязательное посещение ближайшего к дому кафе в пятницу, около восьми вечера. Он опирался на эти небольшие традиции, любил их с той же силой, как свои кисти и краски, как собственные картины, полные безумных идей и образов.

На полотнах смешивались абстракция и сюрреализм. Это был настоящий тупик для консервативных критиков и масса возможностей для начинающих. Классифицировать работы Доминика Вэйла никто так и не удосужился. Пока искусствоведы подбирали ключ к его воображаемому миру, и простые обыватели, и люди, искусству близкие, взирали на всё новые творения со смесью ужаса и благоговения.

Вот и сегодня Доминик тоже включил телевизор и даже смотрел на экран, пока в микроволновке прогревался очередной готовый обед. Картинки сменяли одна другую, диктор без умолку болтала, выражая чужие взгляды, а лицо её, такое пустое, было навеки законсервировано вежливостью. Эта неискренняя полуулыбка, чуть открывавшая ровный ряд белых зубов, казалась Вэйлу восхитительным примером бездушия.

Постепенно смысл слов всё более ускользал от него. Доминик вдруг ясно увидел картину, где изображённая фарфоровая маска трескается, выпуская наружу истину, обнажая её во всей непристойности, во всей черноте. Но какая истина могла скрываться за маской, натянутой на душу этой ведущей?..

Вдруг фарфоровое лицо исказилось. На какую-то долю мгновения, пока профессионализм не взял верх, было заметно отвращение и даже страх. Он с удивлением увеличил громкость, потому что никогда раньше не видел ничего подобного.

– Срочное сообщение, – заговорила диктор, снова спрятавшись в привычный кокон, но всё же больше не улыбаясь. – На перекрёстке...

Доминик выхватил салфетку, поймал карандаш, всегда лежавший здесь же, и принялся зарисовывать образы, что внезапно пришли на ум.

– ...найдено обезображенное тело...

Он взглянул на экран, подметив едва слышное изменение интонации.

– ...вскрыто...

Карандаш замер, так и не вычертив ещё несколько линий.

– Возможно, речь идёт о маньяке.

Что-то в этой новости настолько зацепило его, настолько потрясло, что Доминик некоторое время не мог даже пошевелиться. То было неожиданное предощущение, а может, нечто близкое, похожее. Так, наверное, чувствует себя человек, стоящий на пороге больших изменений. Однако было самое время для завтрака: микроволновка как раз звякнула. А после следовало подняться в студию и вылить на холст пару фантастических миров: крупный заказ на ряд миниатюр для одного чрезвычайно дорогого ресторана не мог ждать.

– Ты ведь это видел? – звонок Рика, хорошо изучившего его повадки за те пять лет, что они были знакомы, ничуть его не отвлек: Доминик как раз собирался выпить чашку чая.

– Что именно? – спросил он, оставляя кисть и спускаясь на кухню, чтобы поставить чайник.

– О, ну что ты за человек! – судя по всему, сегодня Рик был чрезвычайно возбуждён. – Включи-ка ноут, я выслал тебе мейл. Ты должен оценить это, хотя бы как художник.

Доминик послушался и, бросив чайник согреваться в одиночестве, подошёл к ноутбуку, стоявшему на журнальном столике в гостиной. Рик занимался художественной фотографией, но так уж вышло, что он довольно часто подрабатывал ещё и фотографом-криминалистом. Ему нравилось прибывать на место преступления и тщательно запечатлевать каждый клочок. Порой кадры получались настолько нестандартными, что их не использовали специалисты, зато был опубликован уже третий фотоальбом «Scene of the crime», имеющий особый спрос в узких кругах.

Фотографии, приложенные к электронному письму, завораживали своей чудовищностью. Вскрытое, а точнее – широко раскрытое – тело и внутренние органы в некоем подобии системы разложенные вокруг. Связи с телом, их породившим, они не теряли. Здесь была ужасающая красота и стройность. Картина вызывала и восхищение, и отвращение разом.

– Это что, чья-то шутка? – Доминик вспомнил нескольких скульпторов, обожающих эпатировать публику, особенно доставляя ей именно такие сумбурные, противоположные, но тесно сплетённые между собой ощущения.

– Нет, – отозвался Рик. – Работа того маньяка, о котором всюду говорят. Я сам был на месте преступления, да ещё и Эдгара пригласили туда для психиатрической консультации.

Рик и Эдгар были близкими друзьями. А может, даже не совсем друзьями, Доминику, в общем-то, не было до этого никакого дела.

– Так это ты снимал? – уточнил он зачем-то, скорее только чтобы послушать голос, размышляя о своём.

– Не вздумай показывать кому-то, это фото для ФБР, – подтвердил Рик.

Доминик закрыл ноутбук, но это не помогло избавиться от картины, казалось, та навсегда теперь останется у него перед глазами. Быть может, он был слишком безэмоциональным, но совсем не жалел жертву. Он чувствовал высший смысл в том, что произошло. Каким бы чудовищным ни было это убийство, но в нём жило некое осмысление, будто бы схожее с теми убеждениями, которых придерживался сам Доминик. Вот только что-то всё-таки ускользало, и он никак не мог поймать эту деталь. Вероятно, поэтому невозможно было понять, почему неизвестный творец выбрал именно такую форму подачи.

– ...этот маньяк – художник, – донеслось из телефонной трубки. – Как думаешь?

– Очень жутко, – наконец сформулировал Доминик приемлемый ответ, не добавив то, что хотел: «И красиво».

Это был новый шаг к постижению совершенства, который сделало чьё-то больное сознание, вышедшее далеко за рамки моральных устоев. Но разве не в том смысл искусства? Стремиться за рамки, освобождаться от любых шаблонов? Становиться полностью свободным?

Вэйл прогнал эти мысли, испугавшись их, испугавшись внезапно поднявшей голову зависти. Ему никогда не догадаться использовать вместо красок и холстов живое человеческое тело! Даже сама мысль о таком жертвоприношении во имя искусства пугала его до того сильно, что начинали дрожать пальцы.

Рик попрощался, и Доминик сделал чай, но не смог его выпить – такого не случалось с ним вот уже девять лет, с момента когда его скоропалительный брак развалился, не оставив сожалений. Правда, в тот раз извечный ритуал прервала Мадлен, предложив закончить отношения как можно скорее. Теперь всё было по-другому – Домиником овладевали такие чувства и эмоции, которых он в себе раньше не знал.

Мир вокруг стремительно менялся, так ужасающе быстро, что за ним невозможно успеть.

Вот он уже и в новой реальности.

Вечером Доминик снова обратился к лэптопу. Вовсе не затем, чтобы полюбоваться на фотографии – ему нужно было написать агенту, однако он не смог побороть соблазн. Было бы так просто распечатать снимки, чтобы потом тщательно запечатлеть на холсте хотя бы малую часть этой чудовищно непостижимой красоты. Но он сдержал себя. В его мирах никогда

не было убийства и смерти. Точнее, их не в силах был обнаружить тот, кто не знал мыслей автора.

Всякий раз изображая гибель через ряд аллегорических символов, Доминик не мог позволить себе включить в творчество элементы чужого кода. А здесь, на этих фотографиях, он видел именно их.

«Признают ли его безумцем?» – спросил он себя и тут же вспомнил Эдгара. Тот был полноват, но приятен собой, округлое лицо, обрамлённое светлыми волосами, всегда казалось немного загоревшим. Эдгар смешно поправлял очки и улыбался хитровой улыбкой, которую Рик обожал. За этой благодушной внешностью, как за искусственным фасадом, скрывался чёткий, ясный разум психиатра, который имел внушительную практику и с удовольствием копался в психике отъявленных мерзавцев и садистов.

Эдгар узрит этого человека, воссоздаст его душу и прочтёт, как открытую книгу.

Доминик качнул головой, снова бросая взгляд на экран. Внезапно разгневавшись, он закрыл фотографию. Нет! Он не мог принять этого, даже сознавая красоту, которая была для него свидетельством божественности, он не мог принять такого обращения с жизнью.

«Это мерзко», – подвёл он черту и тут же начал строчить мейл для агента. Преступление словно бы выветрилось из мыслей.

Вечер среды Доминик всегда посвящал друзьям. Они встречались в одном из ресторанчиков, заказывали что-нибудь лёгкое и болтали. Если бы не эта традиция, он бы вообще почти не выходил из дома – общительность никогда не была его коньком.

На этот раз Рик и Эдгар разговаривали о деле, которое полностью завладело их фантазией. Часто Доминику приходилось только изображать внимание, но сейчас он действительно проникся разговором.

– Без сомнения, этот человек ненормален, – рассуждал Эдгар. – Но это не душевное расстройство, это не болезнь. Это иная структура психики.

– То есть он психопат? – усмехнулся Рик. – Ну это же было ясно.

– Ты слишком плохо в этом разбираешься, чтобы тебе было что-нибудь ясно, – парировал Эдгар. – Но да, я считаю, что это психопат. И более того! Мы вряд ли найдём его.

– Думаешь? – Рик хмыкнул. – А мне вот кажется, что всплывут подробности. Да и не верю я, что это его первое убийство.

– Для первого, и правда, мрачновато, – хохотнул Эдгар. – Да и начинают они относительно рано, так что не хотелось бы мне знать, что это первое убийство, а наш маньяк – мальчик лет этак пятнадцати. Ты только представь, на что он станет способен после!

– А может, он выплёскивал свои фантазии на живописные полотна, – Рик отрезал кусочек отбивной и положил её в рот.

– Ты всё время пытаешься убедить меня, что мы имеем дело с художником, – Эдгар разочарованно пожал плечами. – Не выглядит, как состоятельная версия.

– А ты что скажешь? – Рик неожиданно повернулся. Он нуждался в поддержке, и, как обычно, некому больше было выступить таким экспертом.

– Полагаю, что у него своеобразное понятие о красоте, но это не значит, что он занимается какой-либо творческой деятельностью, – Доминик отпил вина, лишь чтобы немного спрятать смутение. Ему почему-то не понравилось рассуждать о личности маньяка, хотя до этого разговор казался весьма занимательным.

– А может быть, он любитель порядка, – заметил Эдгар. – Вспомни, как он всё разложил.

– Это была художественная композиция.

– Всего лишь упорядочивание того, что имеется в каждом человеческом теле. Он некрофил, но не художник.

– Он творец!

Беседа едва не превратилась в перепалку, но подошла официантка с давно заказанным десертом. Теперь все слишком увлеклись едой, и воцарилась тишина. А Доминик жевал пирожное, не ощущая никакого вкуса. Чересчур сильно резанула его последняя фраза.

Мог ли зваться творцом тот, кто отнимал жизнь?.. Могла ли отнятая жизнь считаться творением?..

Уже ночью, когда он поправлял подушки, прежде чем лечь спать – ещё один маленький и безобидный ритуал – волнение, владевшее им, помешало привычно расслабиться. Он чрезмерно сильно вцепляется в наволочки.

Никогда прежде реальный мир не занимал его сильнее картин, не дарил ему эмоции завлекательнее и тревожнее. Он не мог сказать, что испытывал от написания полотен эйфорию, нет. Скорее, то было выливание на холст страхов и переживаний. Но такая бурная ментальная жизнь была ему по вкусу, да и приключалась она лишь в воображении. Обычно его ничто не беспокоило.

Собственно, разве не его глубокая бесчувственность в настоящей жизни отвратила от него чуткую и любящую женщину, которую угораздило оказаться его женой?..

Снова вернувшись мыслями к давно похороненному браку – второй раз за эту неделю – Доминик понял, что с ним происходит что-то странное. Он не любил нырять в прошлое. Когда десять лет назад они скоропалительно поженились, никто из них не задумывался о долгом браке. Да что там, они даже не взяли двойной фамилии, будто это стало бы лишними око-

вами для тех, кто не собирается прожить вместе до старости. Через год корабль любви дал течь и пошёл ко дну, они развелись, и Доминик не вспоминал о Мадлен. И вот второй раз за неделю?!

«Что-то всё-таки происходит, – озвучил для себя Доминик. – Эта история затронула меня куда глубже, чем я хотел бы. Я замороженно наблюдаю за чужой игрой, вместо того, чтобы творить свою».

Это напугало и очаровало сразу – как раз такие эмоции он пытался вызвать у зрителей, которым довелось рассматривать его картины. Он как никогда хорошо увидел, почему его полотна столь притягательны. Было приятно так чётко ощутить подобное озарение, но на самом деле сейчас Вэйл жаждал узнать нечто совершенно другое. Нечто недостижимое.

Погасив свет, Доминик укрылся одеялом, но не задремал, а так и лежал, глядя в темноту. Он помнил фотографии Рика потрясающе чётко, но теперь они, как и любой образ, поселившийся в его воображении, оказались живыми, они дышали, развивались, раскрывались, как цветы. «Это не мои образы, – кричал он сам себе. – Они не должны захватывать моего сознания! Я не смогу творить...» Но они наступали, приближались, позволяли рассматривать себя в мельчайших подробностях, околдовывали и заставляли онеметь. И это было страшно.

Это было странно.

Доминик ничего не мог с собой поделать. Ему хотелось созерцать ещё и ещё этот злоеший шедевр, выполненный с большим чувством и хирургической точностью: все детали в нём сплетались в единое целое так же, как соединялись ужас и восхищение в глазах того, кто мог ощутить красоту там, где другим было не под силу найти её.

2

До следующей среды Рик почти не беспокоил звонками и рассказами. А может быть, он и не был в курсе, как на самом деле продвигается расследование. Эдгар тоже молчал об этом, но он всегда был не из тех, кто любит поболтать о работе. Раньше Доминик даже не заметил бы такого, но теперь он жаждал узнать больше. Ему хотелось заглянуть за кулисы страшного шедевра, вот только это выглядело бы чересчур странно.

Понимая, что никакой логики в неутолимом желании нет, он стал больше времени уделять картинам. Однако всё равно не мог должным образом сконцентрироваться и отвлечься от фотографий, будто навечно отпечатавшихся в памяти. Возможно, впервые он так жаждал встречи с друзьями.

Привычный ресторан взволновал настолько, словно превратился в хранилище тайн. Доминик выбрал столик, стоявший в углу у окна, откуда открывался впечатляющий вид на набережную. Ожидая, он не сдерживал воображение, ему представлялось, что точно так же где-то сейчас заходит в ресторанчик убийца. Каким видится ему мир? Что он принимает за красоту, чувствует ли тонкость, ощущает ли, как пронизывающе прекрасен бывает свет?..

От размышлений его оторвал Рик, он появился позже, чем обычно, и казался крайне озабоченным. Эдгар тоже опаздывал.

– Извини, – начал Рик сразу, и Доминик слегка улыбнулся – чуткость друзей к его причудам всегда приносила ему удовольствие, а всякому человеку из близкого круга было известно, как он шепетилен в вопросах пунктуальности. Впрочем, Доминик не мог не признать, что сегодня ожидание совсем не разочаровало, напротив, только приятно подразнило. – Задержался у федералов.

– Вот как, разве они не получили от тебя всё, что хотели? – удача явно была на его стороне, и Рик пришёл именно в том настроении, в котором любил порассказывать о работе.

– Как будто бы, – пожал он плечами. – Но теперь мы изучаем огромный архив фотографий, чтобы найти хоть что-то похожее. Не будешь возражать, если я закурю?

– Нет, – Доминик предполагал, каково это – копаться в тысячах снимков, где предстают самые кровавые сцены. – И что дали ваши изыскания?

– Тебе, что ли, интересно? – Рик усмехнулся, но, не увидев ответной улыбки, продолжил: – Пока что ничего полезного не нашлось.

– Почему они пригласили тебя? Разве мало сотрудников? – Доминик перелистнул меню, стараясь, чтобы это выглядело непринуждённо.

– Скорее, они прислушались к тому, что я говорил. Про некий художественный код. Он ведь там есть, да?

Доминик не мог ответить сразу. Он, конечно, понимал, что Рик должен был заметить этот нюанс, но теперь пришлось бы разделить сокровенное ощущение причастности к тайному знанию с ним, а Доминик совсем не хотел подобным делиться.

– Возможно, – подобрал он нейтральное слово немногим позже. К их столу уже спешил Эдгар.

– Простите, – шлёпнулся он на стул и, отдуваясь, откинулся на спинку. – Вот уж хлопотное дельце.

– Какая у тебя теория? – у Рика даже глаза загорелись.

– Думаю, её изнасиловали в детстве, – не моргнув глазом отозвался Эдгар.

– Кого? – нахмурился Рик, а Доминик улыбнулся, оценив шутку.

– Мою пациентку. Бекку Валдис, – Эдгар сделал знак официантке. – А почему ты вдруг заинтересовался моей работой?

– Да к чёрту твою Бекку, – разозлился Рик. – Ты говорил о другом, я-то знаю.

– Мои теории не подлежат разглашению, – Эдгар кивнул подошедшей девушке. – Фирменное, пожалуйста, и то вино, что мы пили на прошлой неделе. Господа?

Доминик сделал заказ, едва подавив желание допросить Эдгара, настолько ему было любопытно, каким тот увидел маньяка. Рик почти ничего не взял – то ли слишком обидевшись, то ли слишком устав, чтобы есть.

– Могу только одно сказать, – уже позже заметил Эдгар, когда бокал вина всё-таки заставил его смягчиться. – Это весьма неординарная личность, и проблемы у него тоже неординарны.

– Да уж, не всякий обыватель принимается так зверски убивать людей, – Рик хмыкнул. – Но я бы хотел какой-то конкретики.

– Я всё ещё против того, чтобы считать его художником, – Эдгар примирительно поднял руку. – И, пока ты не начал доказывать мне обратное, скажу – он близок искусству.

– Но сам не пишет? – понял мысль Рик. – Завсегдатай выставок?

– Вполне возможно.

И глядя в лицо Эдгара, Доминик вдруг почувствовал, что есть и ещё один смысл у того, что произошло. Или, может, у того, как это произошло. Маньяк, психопат, кто бы он ни был, понимал, что такое чудовищное одиночество. Он жаждал общения. И то тело, так беспомощно прекрасно и уродливо распростёртое на земле – это безмолвный крик, письмо адресованное тому, кто умеет читать.

Теперь смотреть утренние новости стало интереснее. История маньяка обретала подробности – по большей части вымышленные – но, изучая весь этот ворох информации, Доминик улавливал крупинки истины. Для него это тоже превратилось в творчество: он собирал внутри себя мозаику, кусочек за кусочком, точно пытался вылепить и наконец-то узнать в лицо человека, который сотворил величайший шедевр или ужасающее преступление. Вопрос до сих пор оставался открытым.

В картинах начал преобладать красный. Доминик и раньше тяготел к нему, но внезапно словно раскрыл в нём новые полутона. Сперва это принесло недоверие, но уже совсем скоро он отпустил себя. Сковывать собственное воображение он всегда считал опасным. Однако следовало бы позвонить заказчику и показать ему два написанных последними полотна. Была вероятность, что такая цветовая гамма окажется неправильно понятой.

Доминик пометил это в записной книжке и снова погрузился в мир фантазий, откуда должен был вынырнуть только к пяти часам вечера, как вдруг услышал мелодичную трель дверного звонка.

Он не любил, когда его отрывают от работы, потому не собирался открывать, но кто-то был очень и очень настойчив. Звонок выдавал трель за трелью, и Доминику пришлось оставить палитру и мольберт. Он спустился вниз, не вытирая рук и не снимая рабочего фартука.

Накинув цепочку, он приоткрыл дверь. На крыльце со скучающим видом стояла странная девица.

– Доминик Вэйл! – просияла она, заметив его. – Мне нужно взять у вас интервью.

– Договаривайтесь с моим агентом! – бросил он раздражённо.

– Нет-нет, – она мотнула головой, отчего длинные волосы стегнули её по плечам. – Мне нужны комментарии по делу художника.

– Художника? – Доминик не хотел переспрашивать, это вырвалось само собой.

– Да, маньяка, – она засмеялась. – Ваше мнение как человека искусства.

– Я не хочу это комментировать, – он нахмурился, вдруг осознав, что у него появился шанс вступить в диалог. Да, это будет необычный разговор, но разве не об этом он мечтал с того самого момента, как открыл фотографию? Диалог с творцом, который нашёл совершенно иное выражение для красоты.

– Слушайте, – она качнулась на пятках. – Я понимаю, вы сложный человек, нелюдимый... – она заглянула в планшет, который держала в руке. – Говорят, вы аспирин... Так вот. Я не хочу вам надоедать, но мне интересно ваше мнение.

– Что за журнал ты представляешь? – девчонка казалась ему даже подготовленной, и Доминика коснулось желание согласиться.

– Я блоггер, – усмехнулась она. – У меня десять тысяч подписчиков.

И в этот момент Вэйлу стало ясно, что Интернет может быть куда более любопытным средством связи. Пускай он сам не слишком любил виртуальное пространство – а скорее, ему хватало собственной головы – человек, описанный вскользь Эдгаром, мог проводить в сети вечер за вечером. В поиске того, кто сумеет его понять.

– Никогда ещё не общался с блоггерами, – Доминик сбросил цепочку. – Входи.

Линдси было слишком много, она болтала без умолку и оказалась навязчивой. Доминик очень утомился от беседы с ней, но, тем не менее, не выставил её за дверь. Они разговаривали об искусстве и о восприятии красоты, и пусть вздорная девчонка ни в чём толком не разбира-лась, он пытался в каждый ответ вложить зашифрованное послание.

Общение с людьми для Вэйла всегда походило на разбрасывание шифровок. Доминик ничего не мог с собой поделаться – это, скорее всего, был детский комплекс. Но ему хотелось найти людей, способных понять и проникнуться. Рик и Эдгар – единственные, кто был на его волне хотя бы в половине случаев, Мадлен поначалу будто бы понимала полностью, но позднее выплыло, что она притворялась.

Теперь Доминик продолжал розыски не так активно – всё-таки в тридцать четыре уже не играешь с иллюзиями так же радостно, как в двадцать пять – но шанс, который предоставила Линдси, упустить не мог.

Он просматривал всё, что она фиксировала в планшет. Её тонкие пальчики, на удивление без всякого маникюра, летали по экранчику, набирая слово за словом. Наблюдать за этим замысловатым танцем было интересно, и в другой день Доминик даже вдохновился бы, но сегодня им владели другие образы.

– Это очень любопытно, – заключила она, когда второй час был на исходе. – Но я вам смертельно надоела.

– Так заметно? – он растерянно улыбнулся, внезапно осознав, что Линдси могла прочесть по его лицу что-то такое, чего ему самому никогда не познать.

– Я просто это чувствую, окей? – она засмеялась. – Всё в порядке, я грубо нарушила ваше уединение. Удивительно, что вы согласились на разговор.

– Где я могу прочесть результаты? – перебил он, торопливо открывая ноутбук.

Она продиктовала адрес сайта, развела руками:

– Простите, если что-то не так.

Доминик поднялся и проводил её к двери.

– В дальнейшем всё-таки лучше предварительно согласовывать посещения с моим агентом.

– Да-да, я запомню, – и она умчалась к машине, которую припарковала около соседнего дома.

Оставшись в привычном одиночестве, Доминик задумчиво оглядел гостиную. Сюда приходило не так много людей, чтобы произошедшее он мог бы назвать обычным делом. Когда в нём начали проявляться эти изменения, что теперь он позволяет чужим вступать в святая святых?..

Но всё же он довольно быстро отбросил эти пустые размышления. Он научился брать под контроль страхи, которые всякий раз убеждали его отказаться от общения. Он принял необходимость присутствия иных людей в своей жизни, и, быть может, именно потому стал настолько успешным человеком.

И всё же иррациональность собственных поступков немного настораживала, заставляя думать, что творец, вызвавший в нём такой ошеломляющий отклик, должен оказаться по меньшей мере гением.

Он хотел бы сказать: «Я делаю это ради него», но то была ложь. Доминик понимал, что действует исключительно из эгоистичных побуждений. Соприкосновения с этим человеком он искал не потому, что порой ощущал такую же боль и одиночество – не было никаких сомнений, что как раз эти чувства толкнули к ужасающе прекрасному шедевру – он жаждал стать сопричастным этой тайне ради себя самого. Как будто только так мог бы подняться на ещё одну творческую ступень.

Но не придётся ли для этого убить?..

Мысль буквально пронзила его. Доминик слишком резко приблизился к журнальному столику и взял с него чашку, чтобы отнести в мойку. Ему нужно было срочно отвлечься, и бытовые мелочи подходили для этого как нельзя лучше. Линдси обещала выложить интервью ближе к девяти вечера. Оставалось ещё чересчур много времени. Доминик был способен совершенно истерзать себя неподходящими мыслями.

Телефонный звонок, обычно вызывавший лёгкое раздражение, сейчас показался очень уместным. Доминик нашёл мобильный на диване и быстро ответил:

– Да?

– Я хотел бы с тобой посоветоваться, – голос Рика был не совсем уверенным, и Доминик тут же предположил, что речь пойдёт о встрече. Рик не мог не помнить, что вклиниться в строгий распорядок дня не так-то просто.

– Сегодня у меня весь день наперекосяк, – едва ли не торопливо отозвался Доминик. – Если ты сможешь приехать немедленно, то меня это устроит. Но к девяти я попрошу тебя...

– Да-да, я смогу. Я буду через пятнадцать минут, – и Рик почти сразу отключился.

Наверное, это счастье – иметь по-настоящему отзывчивых друзей?..

Доминик нечасто задавался подобным вопросом, но чтобы не обращаться вновь к пугающей, но такой сладостной теме, решил обдумать именно это. Многие ли умеют так входить в положение? Порой и Рик, и Эдгар становились настолько тактичными, что Доминик даже готов был хлопнуть им по плечам со словами: «Да бросьте, я же не сахарный». Правда, он так ни разу и не сделал ничего такого. Наверное, он был им действительно дорог, да?

Доминик с трудом понимал такие моменты, он дорожил не людьми, но ощущениями и переживаниями, которые мог испытывать. Всегда сосредоточенный в глубине самого себя, он рассматривал других как источник необыкновенных колебаний, которые резонансом могли пробудить его творческую душу. Но так же точно он реагировал на свет, геометрию линий, на идеальную красоту природы, соткавшуюся в тысячах маленьких совершенных несовершенств.

Безусловно, ему не хотелось бы потерять друзей – приобретённых с таким трудом – но он сумел бы жить без них. Мог не вспоминать о них, и это его ничуть не трогало. Возможно, потому он и настоял на обязательном совместном ужине – так он включил их обоих вглубь себя. Чтобы не утратить.

Вот Мадлен... Она была против ритуалов.

Мысли о супруге заставили Доминика поморщиться. Какого чёрта он снова и снова касается ушедшего в прошлое? Почему ему вдруг приходит в голову сравнивать с помощью её образа? Раньше он никогда не занимался подобными измерениями. Нужно было разобраться в этом вопросе. Вэйл чувствовал, как внутри растёт нечто инородное, наверное, такое ощущение возникает у человека, в теле которого скрывается опухоль. Вот только его опухоль, очевидно, находилась в душе.

Рик действительно приехал очень быстро. Он выглядел осунувшимся и усталым, круги под глазами явно свидетельствовали, что он вряд ли спал последние сутки.

– Что-то случилось, или ты всё время отдаёшь расследованию? – Доминик кивнул на бар, но Рик не отреагировал.

– Да, оно жрёт меня, – признался он, усаживаясь в кресло.

– И ты пришёл поговорить об этом? – себе Доминик всё же налил немного виски. Как будто алкоголь мог заставить его расслабиться.

– Почти, – Рик вздохнул. – Видишь ли, нельзя утверждать, что этот человек никогда не убивал. Слишком уж у него уверенная рука.

– Может, он хирург? – Доминик усмехнулся, сделав глоток. – Или даже мясник?

– Следствие не исключает такой вероятности. Но у меня тут появилась мыслишка... – он сделал паузу, – что это маньяк, у которого изменился почерк.

– Хочешь сказать, какой-то убийца внезапно решил убивать не так, как привык? – Доминик задумался, но довольно скоро качнул головой. – Эдгар с тобой вряд ли согласится.

– Именно потому я приехал не к нему, а к тебе. Мне больше не с кем обсудить теорию. Говорить об этом с федералами, сам понимаешь, почти так же бесполезно, как с Эдгаром.

– Я не спец в этом, – пожал плечами Доминик. – Но люблю маленькие традиции. И знаешь, я вряд ли от них откажусь.

– Ясно, на что ты намекаешь, – Рик развёл руками. – Но вдруг нечто потрясло его? Впечатлило?

Это неприятное предположение так ярко перекликалось с ощущениями Доминика, и он поставил бокал на столик. Рик смотрел на него с надеждой, хотя было совершенно ясно, что дать ему ценный совет никак не получится.

– Что, например, это может быть? – спросил Вэйл, тщетно пытаясь избавиться от аналогий с самим собой.

– Искусство? Он побывал на выставке?.. – Рик закрыл лицо руками. – Я видел много жертв в последние дни. Некоторые были очень... специфичны. Но сказать ни про одну из них, что она достойна именоваться шедевром, нельзя.

– Я тоже думал об этом, – признал Доминик. – Я не имею в виду, что стоит действительно искать художника, скульптора... человека искусства. Но убийца – неординарен, как и говорил Эдгар.

– Так вот не был ли он раньше другим?! – Рик глянул вверх сомкнутых рук. – Старый знакомый федералов?

– Вряд ли, – Доминик помолчал ещё, а потом добавил: – Я не знаю ни одной картины, которая могла бы вдохновить на создание этого... – он замолчал.

Творческая ревность вдруг больно уколола его. Он любил свои полотна, но был уверен, что ни одно из них не может сподвигнуть кого-либо на такое яркое переосмысление. На такой жуткий и прекрасный одновременно творческий акт.

3

Появившееся в блоге Линдси интервью действительно взбудоражило общественность. Прямо с утра – до того как Доминик успел закончить завтрак – ему позвонил агент. Алекс Деймос был прекрасным дельцом и хорошим человеком – именно в такой последовательности. Но он очень не любил выпускать что-либо из-под контроля. Потому Доминик был уверен – он намеренно рассчитал время звонка так, чтобы подчеркнуть своё неудовольствие.

– Почему ты не посоветовался со мной? – начал он, не поздоровавшись. – Почему ты вообще решился пойти с кем-то на контакт? Или это утка?

– Не утка, Линдси была у меня вчера, – ответил Доминик, его настолько забавляла ситуация, что он даже не мог раздражаться. Оказывается, совершать неожиданные поступки довольно любопытный опыт.

– Так какого дьявола? – Алекс замолчал и продолжил только через полминуты: – Мне оборвали телефон. Ты намерен общаться с журналистами?

Доминик представил это и поморщился. Нет, он уже сделал свои ставки, так что не имело смысла насиловать себя.

– Лучше подготовить пресс-релиз, – сказал он чуть погодя. – Это ведь будет нормально выглядеть?

– Нет. Не будет, – Алекс, видимо, крепко задумался. – Впрочем, от тебя такого можно ожидать. Подготовим пресс-релиз. Приеду к тебе как обычно.

Отключившись, Доминик вернулся к завтраку. К его сожалению, новости почти закончились. Девушка в чересчур открытом платье рассказывала о погоде.

Осталось разобраться с обыденными вопросами – созвониться с заказчиком и пригласить посмотреть готовые картины, дождаться Деймоса... Но то ли из-за того, что привычные ритуалы уже нарушились, то ли потому, что он всё ещё был в неустойчивом состоянии, Доминик медлил, не торопясь заняться делами.

Он знал, что ждёт ответа. И это не простое ожидание, не призрачная надежда. Это странная уверенность, которая поглощала всё его существо.

Каким может быть ответ? И действительно ли его сообщение сумеет расшифровать адресат?

Доминик нашёл себя в гостинной. Он совершенно выпал из хода времени, чего с ним уже давно не случалось. Проверив, сколько он пробыл в своих внутренних мирах, Доминик неудовлетворённо поморщился – необходимо было слегка перекроить расписание. Что же, таковы последствия: он позволяет себе отвлекаться от настоящих целей ради неизвестного человека.

Ради убийцы, который может никогда об этом не узнать или, что гораздо хуже, никогда подобного не оценить.

Доминик отыскал телефон и набрал номер заказчика, стараясь за общением спрятаться от мыслей, что так жаждали заполнить его целиком. Он наметил встречу на следующий день, чтобы не слишком утомиться от чужих людей, а после этого поднялся к картинам.

Он намеренно смешал сегодня тёмную сине-фиолетовую гамму, в жажде преодолеть засилье красного цвета. Он писал решительными мазками, что не походило на его обычную манеру, и на мгновение ему почудилось, будто его кистью управляет убийца...

Алекс приехал, как и обещал, в тот самый час, когда Доминик всякий раз его принимал. Они расположились на веранде: здесь всегда был особенный свет перед закатом. Некоторое время Деймос потягивал чай и отмалчивался, впрочем, даже от Доминика не укрылось то, что он выглядит на редкость довольным.

– Да, очевидно, что твоё чутьё ничуть не ухудшилось, – сказал он наконец, хотя молчание не казалось неловким и можно было ещё долго не начинать разговор.

– Значит, нам эта шумиха на руку? – Доминик сделал вид, что не совсем понимает происходящее – это была часть их любимой игры с Алексом. Оба прекрасно сознавали, что это почти притворство, но, тем не менее, не отказывали себе в удовольствии.

– Эта девочка умело связала тебя с шумом вокруг маньяка, – Алекс чуть поморщился. Во всём, что не касалось бизнеса, он был мягким человеком, очень гуманным и чувствительным. – Так что журналисты заподозрили в твоих словах двойной смысл.

Доминик, признаться, не рассчитывал, что кто-то ещё заметит двойное дно, но не стал бы отрицать, что ему это польстило. И ещё раз доказывало, что он поступил верно.

– И? – спросил он, стараясь не выдавать внезапно возникшего внутреннего ликования.

– И теперь все хотят заполучить интервью с тобой. Однако, боюсь, никаких корректных вопросов не будет. Потому мы будем придерживаться пресс-релиза. Взглянешь на список? – он достал из неизменной кожаной папки распечатку. – Я не тороплю, но желательно закончить с этим к завтрашнему утру.

– Я пришлю тебе e-мейл, – кивнул Доминик, уже вчитываясь в строчки. Многие вопросы ему не нравились, но часть из них была прекрасной возможностью продолжить диалог с неизвестным.

– Хорошо, – Алекс усмехнулся. – Подумать только, что ты ввязался в это сомнительное дело сам.

– Не ожидал? – Доминик не оторвался от чтения.

– Не ожидал, – признал Алекс. – Откуда тебе пришла такая идея?

– Рик работает над делом, так что я получаю слишком много сведений, – Доминик пожал плечами и отложил лист. – С одной стороны, это утомляет, но с другой – разжигает любопытство.

– Почему эта девочка выбрала именно тебя? Как она тебя нашла? – Алекс был прав, поразмыслить над этим у Доминика не было времени. Особенно волновало последнее.

– Утечка информации? – недоуменно переспросил он, обращаясь будто к самому себе. – Не знаю.

– Вероятно, она близко знакома с кем-то из твоей клиентуры, – Алекс потёр подбородок. – Я займусь этим. Пока журналисты не пронюхали, где ты живёшь.

Доминик нахмурился. Он совершенно не хотел переезжать, но растревоженный улей, которым являлись сейчас журналисты, мог вынудить его покинуть полюбившийся дом.

– Пожалуй, я найму охрану, – растерянно заключил он.

– Может быть, придётся поступить и так, – кивнул Алекс. – Но попробуем обойтись малой кровью. В конце концов, ты никак не связан с убийцей.

Это несколько успокаивало, если бы только Доминик мог успокоиться. Но на самом деле он вдруг испугался того, насколько неосмотрительно повёл себя. Он стал импульсивным, начал подчиняться спонтанным порывам. Это было на него не похоже.

Возможно, и версия Рика, которую тот озвучил во вчерашнем разговоре, не так уж плоха. В жизни убийцы могло появиться что-то, так же сильно нарушившее привычный ход его мыслей.

– Мне пора, – поднялся Алекс. Он всегда чувствовал, когда нужно уйти, но на этот раз Доминик едва не возразил. Ему внезапно расхотелось оставаться наедине с собственными мыслями.

– Да, – отозвался он, тоже вставая. – Посмотрим, что можно с этим сделать.

– Немного шума тебе на руку. Скоро время выставок, – Алекс улыбнулся. – И мы повернём всё в нашу пользу. Поверь мне.

Доминик лишь кивнул – выставки сейчас совсем его не заботили. Куда больше волновала возможность увеличить шансы быть, наконец, услышанным.

Прошла почти неделя с публикации интервью в блоге. Шумиха немного утихла, а ответа всё не было. Доминика это несколько разочаровало, но иррациональная вера никуда не уходила.

Впрочем, какого ответа можно было ждать от убийцы? Телефонного звонка? Приглашения на ужин? Доминику и самому становилось смешно от этих нелепых предположений, но он не мог забыть, не мог закрыть глаза на возникающие ощущения.

Да и город вокруг будто бы что-то предчувствовал. Рик обмолвился, что федералам тоже не понравилось, как журналисты принялись проводить параллели с искусством. Они были убеждены, что это может спровоцировать преступника.

Доминик почти разделял их мнение, но для него такая провокация не казалась чем-то ужасным. И вот именно этот нюанс заставлял его нервничать сильнее всего. С какого момента он начал рассматривать убийство в качестве прекрасного способа общения?

Эдгар же придерживался иной точки зрения.

– Он вряд ли высунет нос в ближайший месяц, – объяснял он по большей части Рику, хотя и Доминик слушал весьма внимательно. – Если я правильно понимаю, что это может быть за человек, то он залёг на дно и рассчитывает очередное идеальное преступление. Вот если бы тебя, – тут он посмотрел на Доминика в упор, – обвинили в этом убийстве... Да, такое заставило бы его шевелиться. Они очень ревнивы.

Вспоминая слова Эдгара, Доминик невольно ёжился, точно от холода. Он воспринимал это как художник, и новая ниточка к загадочному маньяку приносила одновременно и тревогу, и удовлетворение.

День клонился к вечеру, когда раздался телефонный звонок. Голос Рика звучал чересчур возбуждённо:

– Он откликнулся! – это был едва ли не крик. – Эдгар не прав! Он отреагировал.

– Что? – переспросил Доминик, не в силах сориентироваться. – Скажи толком.

– У нас новый труп. И я уверен – это он, – Рик задержал дыхание, чтобы чуть успокоиться. – Мы сейчас поедem на место.

– Жду твоих фотографий, – Доминик не сомневался, что получит их. Внезапно на него снизошёл покой.

«Похоже, мы всё-таки нашли общий язык, – подумал он, не отдавая себе отчёта, насколько это жутко. – Он ответил мне. Главное правильно прочесть...»

Его привлекала возможность этого общения, оно щекотало ему нервы, возбуждало, заставляло просыпаться скрытые творческие силы. А ради искусства Доминик готов был пожертвовать многим – вероятно, даже чужой жизнью. Он ещё не решил этот вопрос.

Убита была женщина. Не изменяя себе, маньяк не оставил никаких следов, разместив своё произведение на ранее белой, а теперь – пропитавшейся кровью простыне. В этом тоже крылся некий символизм, и Доминик мечтал разгадать его.

Эксперты дружно заключили, что часть органов изымалась из тела столь аккуратно и осторожно, что жертва оставалась жива. Некоторое время после того, как убийца закончил, всё раскрытое тело продолжало жить, пусть и очень, очень недолго!

Это было потрясающе и ужасно пугало. Но Доминик не мог не отметить – его неизвестный собеседник совершенствуется, изобретает что-то новое, а не занимается самокопированием. Не жалко ли, что вместо холстов или мрамора он выбирает столь причудливый, подверженный тлению и опасный материал.

«Может быть, он всё-таки был скульптором?» – предположил Доминик, снова и снова вглядываясь в фотографии, которые, конечно же, Рик выслал сразу, как только смог. Версия была не хуже других – поставленная рука и отличное видение композиции вполне в неё укладывались.

«Может быть, теперь ты решил отсекать лишнее не у камня, а у людей?»

Но чувствовалось – убийца не отсекал, а дарил новое качество, которое Доминик пока не сумел ухватить. Все эти жертвы... Они больше походили на тех, кого избрали, чтобы вручить великий дар. Но что выступало таким даром?

Речь шла не о смерти. Это было бы слишком мелко, слишком глупо для такого гения и творца.

– Я всё ещё не совсем понимаю, – признался себе Доминик и закрыл ноутбук.

И эта досадная деталь немного портила настроение. Он ведь так не любил что-то упускать.

4

Как кровавые подробности просочились в прессу, никто не знал, однако скандальные газетёнки одна за другой живописали место преступления. Каждый журналист едва ли не клялся, что там побывал, да только Доминик видел – это чистой воды фарс. Он почитывал такие статьи, чтобы точно убедиться – никто ещё не разгадал того, чего не почувствовал бы он сам.

Вот уже несколько ночей ему снился загадочный человек: лишь силуэт, слегка подсвеченный мертвенно-синим. Он словно хотел что-то сказать, но в последний миг отступал во тьму. Впрочем, Доминик быстро расшифровал для себя этот символ – его разрывали любопытство и страх. И он никак не мог выбрать, чему отдать в итоге предпочтение.

На очередной их встрече Эдгар от души ругался:

– Они настолько исказили саму идею этого психа – а ведь у него была идея! – что он непременно прирежет кого-то ещё!

– В прошлый раз ты ошибся, – почти победно улыбался Рик. – Однако мне кажется, что тут ты прав. Если произведение толкуют неправильно, автора часто тянет его защитить.

Доминик воздерживался от комментариев. Его самого обычно не трогало мнение толпы. Ему нравились эмоции, которые порой вызывали его полотна, но всё же суть своего творчества он видел в ином ключе, а потому чужой отклик только развлекал – и не более. Каким был этот творец, он судить не брался. На что именно тот отреагировал и ответил? Ответил ли конкретно Доминику? В таком случае шумиха прессы сейчас вполне может его не беспокоить, разве нет?

Жажда исключительности.

Откуда взялось такое желание, Доминик не знал, но чувствовал его до неприятного сильно. Точно нашёл вдруг родственную душу, которая могла пробиться через кокон его одиночества, и теперь отчаянно не хотелось отпускать её. Странно такое ощущать по отношению к неизвестному психопату. К тому, кого никогда не видел.

– А может, это женщина? – спросил он вдруг для того, чтобы сбить с толку уже споривших до хрипоты друзей.

– Что? – опешил Рик. Эдгар задумчиво поднёс бокал к губам, но потом с сожалением в голосе заметил:

– Было бы пикантно, но нет. Это точно мужская рука.

– Откуда такая уверенность? – Рик и на этот раз требовал спора. Доминик усмехнулся: ему стало спокойнее: некоторые заключения, что прозвучали раньше, пугали его.

В свою очередь, он прекрасно понимал, что творец – мужчина. И дело заключалось вовсе не в том, что Доминик каким-то образом принадлежал к художникам, убеждённым – женщина не может творить. Знание это было сродни шестому чувству, безошибочному чутью, которое

никак не опирается на логические доводы. Просто существует. Как данность, факт, как нечто незыблемое.

– На самом деле, – снова привлёк внимание Рик, – есть кое-что, сводящее всех с ума.

– И что же?

– Тайны следствия разглашаешь? – усмехнулся Доминик, пряча за этим собственную заинтересованность.

– Да к чёрту их, – Рик замолчал, заметно помрачнев, а потом всё-таки договорил, как собирался: – Жертвы, безусловно, чистенькие. Убийца обмывает их, убирает кровь, которая портит картину, оставляя только те мазки, что считает необходимыми. И кроме этого на телах нет никаких следов борьбы. В тот момент, когда было совершено нападение, они и не думали, что рядом убийца.

– Как он такого добивается? – вопрос вырвался слишком поспешно, но Рик ничуть не насторожился.

– Жертвы с ним знакомы. Но как отыскать между ними общее? Они как будто бы абсолютно разные... И, конечно, он вкалывает им что-то обездвиживающее... – Рик вздохнул. – Я не настолько глубоко посвящён в подробности экспертизы.

– Очень любопытно, – Эдгар почти задумчиво отправил в рот оливку. – Получается, он сначала входит к ним в доверие. Вряд ли он режет старых друзей. Да и тогда нашлась бы связь.

Доминик почему-то представил собственную выставку. Сколько людей – совершенно не похожих между собой – вместе смотрят на его картины. Многие даже знакомятся друг с другом на почве такого вот единого интереса. Потом они могут никогда не встречаться, но в зале очень единомышленны. Проскользнула и ещё какая-то мысль, но Доминик решил держать всё это при себе. Не хватало ещё оказаться единственным, кто понимает маньяка.

Точнее, не хватало демонстрации, что он понимает его лучше других. Доминик отпил глоток вина.

– Пожалуй, мне пора идти, – вдруг поднялся Эдгар. – Это было познавательно, мне есть над чем поразмыслить.

– Рад это слышать, – Рик пожал ему руку, чуть дольше положенного задержав его пальцы в своих. – Встретимся на неделе?

Доминик с улыбкой наблюдал за ними. Временами они будто и не смотрели друг на друга, а потом словно вспоминали о чём-то, и тут же между ними загоралась прежняя страсть. Вот и сейчас было ясно, что предлагает Рик, не говоря вслух ни одного слова. Эдгар помедлил, облизнул губы и едва заметно кивнул.

– Заезжай ко мне, – позволил он.

Кто станет новым холстом?

Этот вопрос тревожил Доминика весь вечер. Он чувствовал – точно и правда установил с убийцей телепатическую связь – скоро совершится ещё одно преступление. В свет будет выпущена ещё одна смертоносная красота. Удивительно, как это пугало и возбуждало разом.

Кто будет жертвой? Как он вообще отбирает жертв?..

Правда ли, будто они не знают и до последнего не ощущают, что разговаривают с тем, кто прервёт их жизнь столь изощрённым способом? Понимает ли холст, что его сейчас замазает краска? Ведаёт ли краска, что скоро соприкоснётся с холстом?

Доминик дал себе возможность строить самые фантазмагорические предположения, сразу переводя их в язык символов. Ему хотелось выписать эти причудливые идеи на холсте. Так, чтобы кто-нибудь смог расшифровать. Конечно, тут же Доминик признался, что этот кто-нибудь – убийца.

Да, врать себе не стоило. Он желал, чтобы именно этот незнакомый творец со скальпелем вместо кисти увидел и прочёл каждое из полотен.

Будто только он был способен понять.

Работать ночами Доминик не любил, хотя освещение в студии позволяло. Однако сегодня он изменил привычкам, и само по себе это было нарушением ритуала, потому манило как своеобразный грех, преступление против собственного кодекса, заповедей, составлявших его мир. Удивительное чувство, привкус которого Доминик раньше не знал, да и не собирался узнавать. Но теперь, когда внутри он снова и снова спрашивал, можно ли считать красотой убийство, всё не решаясь дать однозначный ответ, переступить через прежде незыблемые запреты оказалось не только просто, но и до притягательного желанно.

Поднявшись к холстам, Доминик достал новый мольберт. Не было смысла продолжать неоконченную картину, требовалось что-то иное. Установив первый попавшийся чистый подрамник, он несколько минут созерцал грунтованную поверхность. Ему уже виделись образы, но пока он не мог выстроить композицию. Такое мгновение, как затишье перед бурей, всегда заставляло его ощущать необыкновенный прилив сил. Он едва ли не верил, что становится в этот миг почти что богом. И если уж не богом, то дверью, сквозь которую тот может войти в явный мир.

Потом Вэйл выдавил чуть-чуть краски на палитру. Красный акрил блеснул так живо, так сочно, будто бы напился кровью. Доминик недовольно хмыкнул и тут же смешал его с синим. Обмакнув кисть в получившийся цвет, он нанёс на холст первые мазки. Он уже чувствовал, что создаёт, композиция сложилась, творческая энергия хлынула в открывшийся вход.

Часом позже Доминик отошёл от холста, чтобы взглянуть на промежуточный результат издали. Его всё устраивало, настала пора отдохнуть. Сегодня он делал поспешные, широкие мазки, лишь намечая фигуры, только раскладывая цветовые пятна. Вряд ли кто-то, кроме него

самого, смог бы понять, что в итоге вырастет из этих фрагментов. Но он точно знал, он видел внутренним взором новую картину, пусть ещё не до конца – кое-что было словно подёрнуто мутной плёнкой, но весь символичный ряд уже ощущался.

Это была хорошая работа.

Ничто не омрачило утренние новости. Подробностей расследования, новых жертв или заявлений от мнимых убийц не поступало. Доминик сделал звук тише и отхлебнул кофе. Он не помнил снов – после ночного порыва к творчеству он спал очень крепко, и в этом была своя невыразимая прелесть.

Нужно было закончить работу по контракту, но Доминика тянуло к новому холсту, который он, впрочем, не собирался продавать. Возможно, именно потому он задержался на кухне дольше привычного – не хотелось подниматься в студию и сражаться с собой, призывая к выполнению обязательств непростое творческое начало.

Зазвонил телефон, и это показалось ответом мироздания на незаданный вопрос. Доминик взял трубку.

– Да?

– Прости, что наверняка отвлекаю, – голос Рика был странно возбуждённым. – Как думаешь, знакомясь на выставке, люди скоро начинают доверять друг другу?

– Ответ я могу дать только весьма приблизительный, – спокойно отозвался Доминик, хотя сердце его неприятно кольнуло. Как похоже на подслушанные мысли, на пойманный обрывок телепатического разговора. Как, чёрт возьми, Рiku это удалось?!

– Я всё равно готов его выслушать, – Рик был нетерпелив, голос его выдавал крайнее волнение. – Ну, Доминик, почему бы тебе не высказать свои предположения? Ты разве не размышлял о чём-нибудь подобном?

– Эдгар в этом большой профессионал, – нужно было ни в коем случае не переиграть. Такие спектакли Доминику всегда давались плохо, и он лишь надеялся, что Рик ничего не заподозрит. Ладони вспотели. – Наверное, они не задумываются, что у них есть резон не доверять. Ведь им нравится одно и то же. Да?

– Да, – энергично подтвердил Рик.

– Почему ты спрашиваешь? – Доминик мечтал, чтобы эта фраза тоже выглядела непридуманной, но уже не был в чём-то уверен.

– Видишь ли, в доме каждой жертвы – их опознали – нашлись буклеты с выставок, – Рик говорил это с такой радостью и гордостью, словно сам их нашёл. – И несколько совпали!

– Жертвы посещали одну и ту же выставку, да? – переспросил Доминик, тут же понимая, что сел в лужу – не стоило высказывать догадку именно так.

– Точно! – словно и не заметил ничего Рик. – Я тебе говорю, этот преступник связан с художественной средой! Однозначно!

– Теперь у тебя куда больше оснований так считать, – согласился Доминик, в надежде, что Рик наконец-то положит трубку.

– Расскажу Эдгару, интересно, какое у него будет лицо, – и Рик всё-таки отключился.

Доминик оставил телефон и поднялся. Он ощутил себя загнанным зверем. Эта догадка, это совпадение... Ох, как это ударило по ощущению собственной исключительности. Нужно было отправляться работать, но теперь казалось, что даже стены дома наблюдают за ним. Точно они собираются кричать ему: «Это ты убийца, ты!» Почему? Ведь он не совершал ничего подобного.

Или это были его зрители? Те, кто восхищался его картинами? Те, кто пугался заключённых в рамы образов? Они?

Доминик не вспоминал о своих почитателях, он не знал их в лицо, он не чувствовал их. Это были тени, что бродили из зала в зал. И он старался как можно меньше разговаривать с ними. Но вот ему вдруг представилось, что вернисажи, где висели его картины, обернулись таинственным лесом, в котором блуждали невинные души. И среди них таился зверь, хищник, который тщательно выискивал жертву и убивал её.

И в его охоте, в том, как он отбирал жизни, были природная мощь и истинное совершенство.

Телевизор всё ещё что-то лопотал. Доминик поднялся, чтобы отключить его, но тут же замер. После программы новостей начался фильм о волках. И прямо сейчас перед глазами Доминика развернулась сцена охоты. Загнанный олень споткнулся, его горло разорвали белые и острые клыки. Снег обагрился кровью.

Было ли что-то общее у преступника с волком, с хищником, который с такой властью и силой забирает себе чужое дыхание?

– Нет, нет... Всё не так, – прошептал Доминик. – Не так. Иначе. Он не зверь, нет.

Ему не хотелось в это верить, но почему, Доминик размышлять не стал. Щёлкнув пультом, он спешно поднялся в студию.

Новая картина притягивала взгляд, и Доминик отвернул мольберт лицом к стене, чтобы не увлекаться им. Прежний холст, на который осталось нанести не так уж много мазков, показался унылым и скучным. Доминик взял себя в руки. Он был профессионалом и не оставлял неоконченных работ. Это было ещё одно его правило, ещё один пункт, который делал его жизнь такой размеренной и спокойной.

Иногда ему приходило в голову, что ритуалы и помогли справиться со всеми жизненными невзгодами. Дали ему силу подняться туда, где он теперь находился. Каждое правило становилось очередной ступенькой. Он не хотел нарушать их, вчерашнее ощущение греховной сладости уступило место мрачному осознанию, что отрицать самого себя опасно. А разве он не из самого себя выковал каждое звено той цепи, что охватывала всю его жизнь? Цепи, призванной не лишать свободы, а удерживать в мире людей. В пространстве, заведомо враждебном.

Может, тот творец отбросил собственную цепь? Но это не принесло ему ничего хорошего. Точнее, не принесёт.

Доминик замер, осмысляя. Может ли быть пойманным сошедший с ума бог?.. Ему стало не по себе от этой мысли.

5

Почти месяц в городе не случалось значимых событий. Постепенно утихли и разговоры о таинственном маньяке, их ничто не поддерживало, ведь расследование ни капельки не продвинулось.

Доминик хоть и обращался мыслями к неизвестному творцу, всё же больше времени уделял картинам – намечалась крупная совместная выставка, где он собирался представить несколько работ. Одну из них – The Light – он ещё нигде не демонстрировал.

Но чем ближе был день открытия, тем сильнее Домиником овладевало беспокойство. Не связанная, казалось бы, ни с чем определённым, она всё же не позволяла нормально спать и заставляла больше обычного опасаться телефонных звонков. Часто Доминик лежал в постели, в спальне, окутанной темнотой, и будто бы чего-то ждал. Может быть, света? Однако если он и включал небольшой ночник, отчего тьма отступала, то всё равно не чувствовал себя в безопасности и не мог уснуть. Неясные тревоги сделали его нервным и ещё более замкнутым, чем всегда.

Даже извечные ритуалы внезапно стали отнимать слишком много сил, но Доминик не отказывался от них – это пугало куда сильнее усталости. Друзья, впрочем, обратили внимание, что в общении он резок и непримирим, чего давно уже не случалось.

Так или иначе, но и Рик, и Эдвар связывали это, скорее, с надвигающимся событием и ни с чем другим. Доминик же не отрицал, хотя на его взгляд такое объяснение не выдерживало критики. И всё-таки день открытия обернулся некоей вехой, приобрёл дополнительную значимость, но почему?.. Это был голос интуиции, который Доминик не сумел объяснить для себя логически.

Конечно же, тем утром тревога достигла своего максимума. Доминику пора было отправляться в галерею, но медлил, словно там его ожидало что-то особенно страшное. Избавиться от мыслей подобного толка не удавалось.

Алекс отличался одним выдающимся качеством – он точно чувствовал, когда его подопечные оказывались неспособными совершить нужное действие. И Доминик даже не удивился, когда раздался звонок в дверь, хоть они и не договаривались встретиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.